https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-2-10-19
https://elibrary.ru/MBXDOK

От редактора:

«Преступление и наказание» и «Идиот»: изучение, восприятие, трансформации в XX и XXI веке

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, мы в этом номере рады поздравить с состоявшимися весомыми круглыми датами членов нашего редсовета и редколлегии: академика Александра Борисовича Куделина, научного руководителя ИМЛИ РАН, вступившего в возраст Моисея, способного выводить свой народ из плена обыденности, из обстояния ложных установок, даже если идти придется по дну Красного моря, и доктора филологических наук, профессора Валентину Васильевну Борисову, умеющую справляться с научной повседневностью, как Марфа, и смотреть и различать самое глубокое в тексте, как Мария. Редакция бесконечно признательна Александру Борисовичу и Валентине Васильевне за внимательное отношение к нашим журнальным делам, за неизменную безотказную помощь.

Мы также рады сообщить, что в редакционную коллегию журнала вошла Ольга Юрьевна Юрьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой филологии и методики Иркутского государственного университета, наш давний друг и сотрудник.

Второй номер в большой своей части посвящен тому, как воспринимается и переосмысливается «Преступление и наказание» в XX и XXI веке, какие темы выходят на первый план во взаимодействии читателей и исследователей с романом, что связано с завершающим этапом работы Научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» над книгой о «Преступлении и наказании» в серии «Романы Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения».

Однако не только «Преступление и наказание» находится сейчас в средоточии наших интересов: 18–20 апреля мы, совместно со Старорусскими музеями Ф.М. Достоевского (Новгородский музей-заповедник), провели XXVI Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» (место проведения: Старая Русса). Это обучающая конференция, открытая и для опытных, и для

начинающих исследователей всех возрастов (начиная со школьного), без всяких формальных ограничений, но со строгим отбором докладчиков по качеству доклада, при том, что участвовать без доклада возможно всем. Мы собираемся вокруг одного произведения Достоевского, аналитико-синтетическому чтению которого посвящаются доклады первого дня и круглые столы. В этом году таким произведением стал роман «Идиот».

Аудиозаписи конференции:

— 18.04.2024. Утреннее заседание. Ч. 1. https://www.youtube.com/watch?v=bUFdGb0_ntM&t=19s

— 18.04.2024. Утреннее заседание. Ч. 2. https://www.youtube.com/watch?v=SJd5QAh7Ae8

— 18.04.2024. Дневное заседание. https://www.youtube.com/watch?v=yUqT49auCTE&t=2298s

— 18.04.2024. Круглый стол https://www.youtube.com/watch?v=KBvmP0tmyUc

— 19.04.2024. Утреннее заседание. Ч. 1. https://www.youtube.com/watch?v=4lhyJY3DvAI

— 19.04.2024. Утреннее заседание. Ч. 2. https://www.youtube.com/watch?v=IcbejpINraU

— 19.04.2024. Дневное заседание. Ч. 1. https://www.youtube.com/watch?v=9W0llWmB1gA

— 19.04.2024. Дневное заседание. Ч. 2. https://www.youtube.com/watch?v=6POrpM5bjHU

— 20.04.2024. Семинар https://www.youtube.com/watch?v=hDh4ReAeg0I

Третья конференция этого года запланирована на 1–3 октября 2024 года. Это международная онлайн-конференция «Книга в книге», впервые прошедшая в 2023 году. Конференция посвящена теоретической проблеме присутствия книг ***как прямо упомянутых*** текстов и ***материальных предметов, участвующих в сюжете***, в произведениях мировой литературы и культуры. Мы просим желающих участвовать в конференции обратить внимание на слова, выделенные жирным курсивом: на этой конференции мы не занимаемся компаративными исследованиями, нас интересует книга, которую автор вводит в свой текст, отводя ей определенную роль и функцию, помогающие читателям понять авторский замысел. Понятно, что как минимум в случае такого *читателя*, как Достоевский, роль книги в его авторском замысле будет исходить из глубокого понимания авторских интенций вводимого в его текст чужого произведения. То есть начинать говорить о роли книги в книге в его слу-

чае можно только после глубокого анализа той книги, которую он вводит в свой текст.

Я напоминаю, что на все наши конференции — и особенно на ежегодные Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века», поскольку это ***обучающая конференция*** — можно присылать заявку на участие в качестве слушателя и участника обсуждения (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их участие в общей научной работе на конференции.

В 2021–2024 годах вышло большое число изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству. Они пока далеко не полностью освоены научным сообществом, все еще мало включены в научный контекст. Мы готовы предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий (в том числе — критических и полемических) на вышедшие в 2021–2024 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

В этот раз в рубрике «Обзоры, рецензии» публикуется написанный мною подробный обзор (а иногда и разбор) докладов, сделанных на III Международной научной онлайн-конференции «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения», прошедшей 28, 29 февраля – 1 марта 2024. Эта конференция завершила череду конференций, посвященных «Преступлению и наказанию», проведенных Научно-исследовательским центром «Ф.М. Достоевский и мировая культура» Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН и Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН в ходе подготовки тома, посвященного «Преступлению и наказанию» в серии «Романы Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения». Хочу отметить, что конференция предстает в обзоре как нечто очень цельное и последовательное, доклады группируются вокруг общих проблем, иногда не заявленных прямо, а словно очерченных конкретной проблематикой докладов. Это проблема героя (и даже героев), которого время выводит на первый план (и это не Раскольников — и даже не Соня, удивительно, но на первый план у нынешних молодых читателей романа — и у чутких к времени исследователей — решительно выходит Разумихин), проблема усвоений романа в разных культурах посредством переводов, адаптаций, можно было бы даже сказать — культурных апроприаций, если бы это слово не получило негативную окраску. Это проблема преподавания

в эпоху искусственного интеллекта, когда саму идею глубокого чтения приходится внедрять специальными методиками, — и это описание методик глубокого чтения, применяемых для исследования — и оптимально подходящих для вовлечения в чтение учащихся.

Второй обзор рубрики, написанный Николаем Подосокорским, говорит об итогах и перспективах первой международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», прошедшей 2–4 октября 2023 года. Поскольку конференция посвящена памяти великого русского филолога, философа и историка культуры Александра Викторовича Михайлова, она взывает к теории, разрабатываемой в ходе глубокого анализа предельно конкретных вещей, к теории, проявляемой в истории (Михайлов настаивал на том, что теория может обнаруживаться и осмысленно формулироваться только таким образом). Только максимально пристально вглядевшись в конкретные цели и способы присутствия книг в книгах в разных культурах, пространствах и временах, мы можем понять нечто о смысле этого явления в литературе и культуре.

В рубрике «Герменевтика. Медленное чтение» мы помещаем насыщенную интереснейшими наблюдениями работу Катерины Корбелла о роли и функциях романа «Дон Кихот» в романе «Идиот». Статья, кроме прочего, позволяет понять, насколько важно то, через посредство какого героя книга появляется в тексте, — и что книга и ее герой, как минимум, в ряде случаев, будет более тесно связана с тем, через кого она пришла в текст, чем с тем, с кем ее соединил в сюжете тот, через кого она в текст пришла. В данном случае показывается с очевидностью, что «Дон Кихот» больше отражается в характере Аглаи, чем в характере Мышкина (особенно если мы понимаем, что характеристики, которые дает Мышкину Аглая, больше говорят о ней, чем о нем).

Видимо, этот принцип нужно неизменно иметь в виду, когда мы думаем о присутствии в тексте романа, например, «Истории» Соловьева, пришедшей к Рогожину через Настасью Филипповну. Хотя здесь можно попробовать провести классификацию и по другому признаку — отделив тех, кто упоминает книгу (или в связи с кем упоминается книга), от тех, кто держит ее в руках. «Дон Кихот» упоминается в связи с Мышкиным — но держит книгу в руках Аглая. «История» Соловьева появляется потому, что ее упомянула Настасья Филипповна, — но держит ее в руках и хранит в своем кабинете Рогожин (в предыдущей своей статье, посвященной данной теме, Катерина Корбелла отметила, что этот герой, как и Аглая, использует книгу как ***хранилище*** — только не для записки, а для ножа [Корбелла, 2023, с. 37]). «Мадам Бовари» читала Настасья

Филипповна — но видим мы ее в руках и потом в кармане у Мышкина. «История» Карамзина, упомянутая Лебедевым применительно к Мышкину, видимо, должна иметь отношение и к самому Лебедеву, и к Рогожину, в присутствии и для произведения впечатления на которого она упоминается. «Дама с камелиями» тоже только упоминается героями — но по-разному: Тоцкий упоминает произведение искусства исключительно в рамках произведения искусства, акцентируя к тому же его эстетическое восприятие, Настасья Филипповна связывает роман с жизнью: ее именуют «камелией» члены семейства Иволгиных и Лебедев, она именует «господином с камелиями» Тоцкого. Чрезвычайно интересно, как появляется Апокалипсис в романе. Его упоминает Лебедев, рассказывая Мышкину о Настасье Филипповне — и герои как бы равномерно вокруг него группируются — поскольку книга как бы есть, но никто к ней зримо не прикасается. Сама же книга появляется только в связи с Нилом Алексеевичем, пригласившим к себе в кабинет Лебедева через Петра Захаровича, что очень интересно выражено: «<…> и вопросили наедине: “Правда ли, что ты профессор антихриста?” И не потаил: “Аз есмь, говорю”, и изложил, и представил, и страха не смягчил, но еще мысленно, развернув аллегорический свиток, усилил и цифры подвел. И усмехались, но на цифрах и на подобиях стали дрожать, и книгу просили закрыть, и уйти, и награждение мне к Святой назначили, а на Фоминой Богу душу отдали» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 168]. Если Лебедев разворачивает только «аллегорический свиток», то закрыть ***книгу*** просит Нил Алексеевич — и здесь мы впервые узнаем, что кто-то ее ***видит*** (и сразу же узнаем, что видевший ее — умер). А вот «наш Пушкин» (и, если исходить из лингвистических характеристик фраз, более как человек, чем как книга) появится в руках (даже, можно сказать, в объятьях, поскольку ей приходится захватить несколько томов) у Веры Лебедевой. (Я пишу это здесь в том числе для того, чтобы показать возможные аспекты изучения **книги в книге** не только как текста в тексте.)

Замечу еще, что даже самые тонкие и внимательные авторы, случается, принимают внешнее сходство за сходство окончательное (такое, например, слишком часто происходит с теми, кто пишет о «Даме с камелиями» в «Идиоте»; да и вообще в целом в науке о литературе слишком часто исследованиями, особенно компаративными, руководила мысль: похоже — значит то же), не беря при этом в расчет, что в подавляющем большинстве случаев — во всяком случае, Достоевским — поверхностное сходство создается для того, чтобы показать глубинное различие. Катерина Корбелла указывает на сходство положений: Мышкин пишет

Аглае (которая изначально является ему как *одна из трех*): «Сколько раз вы все три бывали мне очень нужны, но из всех трех я видел одну только вас» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 157], — а Дон Кихот, желая встретить Дульсинею, видит трех крестьянок. На самом деле здесь не так глубоко оказывается *противопоставление* положений: Дон-Кихоту нужна *одна* Дульсинея, а вместо нее он видит *трех* крестьянок, в то время как Мышкину нужны *все трое*, но видит в своей памяти он лишь одну Аглаю. Противопоставление это, очевидно, значимое: возможно, Дульсинею (ни одна из крестьянок ею не является) и можно увидеть только во множестве/троичности лиц. В то время как для Мышкина Аглая *заслоняет остальных нужных* — и уже на этом уровне перед нами здесь оказываются совсем разные истории — при этом лишь сопоставление с «Дон Кихотом» позволяет ясно увидеть смысл того, что происходит в «Идиоте» (зарождение *исключительной* (а не «включительной», не исключающей никого) любви князя).

Вторая статья рубрики принадлежит перу Людмилы Сараскиной и посвящена пристальному рассмотрению первого из героев Достоевского, который ***умеет быть вторым***. По Достоевскому — и по Евангелию, быть вторым — это единственная возможность стать по-настоящему первым. Об исполнении задачи быть вторым Христос прямо говорит как о цели Своего пришествия: «Не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить» (Мф. 20:28). Да и, в конце концов: «Первый человек — из земли, перстный; второй человек — Господь с неба» (1Кор. 15:47). И этот второй — Господь, приходит, чтобы послужить спасением первому. ***Второй*** (среди множества *первых*) на месте главного героя будет специальным предисловием утверждаться Достоевским в последнем романе, «Братья Карамазовы», но и тогда большинство читателей ему не очень поверит. Надо ли удивляться, что оно не заметило в этом качестве Разумихина? Скорее надо удивляться — и радоваться — тому, что в сознании нынешних совсем молодых читателей Разумихин все больше выходит на первый план — и внимательная к «побочным» сюжетам романа, цепко выхватывающая и предъявляющая важные и долго не замечавшиеся детали, энергичная статья Людмилы Сараскиной дает этому аналитическое обоснование.

В рубрике «Поэтика. Контекст» публикуется яркая и эвристичная статья Ясмины Войводич, посвященная взаимоотношениям *несомненно главного* героя «Бесов», Степана Трофимовича Верховенского, со своим костюмом — на фоне общей театрализованности романа. Автор статьи справедливо отмечает не просто *оттенок* театральности — но серьезное

присутствие этой составляющей значения слова «костюм» в описании того, во что одевается герой: костюм в театре *создает* героя, герой становится тем, на что указывает его костюм, — так пытается создать *героя для себя* Варвара Петровна, сама выбирая костюм Степану Трофимовичу.

Стоит отметить: автор статьи совершенно справедливо и в соответствии с текстом говорит, что в словах рассказчика о том, что Степан Трофимович «стал наконец для нее ее сыном, ее созданием, даже, можно сказать, ее изобретением, стал плотью от плоти ее» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 16], указывается на отношение героини к герою как к кукле (автор называет Буратино) или ребенку. Однако Достоевский строит текст гораздо более сложно, поскольку это еще и довольно очевидная отсылка на самое первое появление слов «плоть от плоти» в Библии: «И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа» (Быт. 2:23), — что на поверхности создает ироническую ситуацию: здесь не жена взята от мужа, но, напротив, муж *становится* взят от жены, а слова «ее созданием» и вовсе отсылают к описываемой здесь ситуации сотворения человека, наделяя Варвару Петровну позицией Творца. При этом Варвара Петровна, заняв эту позицию, оказывается первой из человечества, прогнавшего Бога и завладевшего Его местом — о чем чуть прикровенно сказано в конце поэмы Степана Трофимовича на первых страницах романа — то есть оказывается первой из героинь его поэмы. Таким образом, в отсутствие Бога, человека пытается создавать его же создание — и эта бурлескная путаница (прекращающаяся только в конце, в присутствии Евангелия, все расставляющего по своим местам) на эмоциональном уровне служит в романе Достоевского одним из доказательств бытия Божия.

В первой статье рубрики «Достоевский: круг чтения» Татьяна Ковалевская, вдумчиво и глубоко описывая контекст английской литературы, на которой, по сути, взрастал юный Достоевский (мы часто упускаем из виду, что для Достоевского это *современная, новейшая литература*), и создавая карту философских отношений Достоевского с этим контекстом, говорит о готических романах ужасов в английской литературе как истоке ряда поэтических приемов Достоевского, работающих на ощущение выхода за пределы «насущного видимо-текущего», раздвигающих границы того, что воспринимается как реальное. Очень интересно в статье сопоставление Раскольникова с его стремлением к сверхчеловечности и романа Мэри Шелли «Франкенштейн», где, по словам автора статьи, Мэри Шелли впервые показывает, что соревнование с Творцом герой проигрывает не потому, что в нем нет такой

мощи, как у Творца, а потому, что в нем нет любви к своему творению. Именно любовь к ближним, согласно Мэри Шелли, способна спасти человечество от «великих идей» и их носителей, разрешающих кровь по совести ровно настолько, насколько они думают не о воплощении идеи, а о собственном величии.

Во второй статье рубрики Валентина Борисова говорит о роли Библии и Корана в жизни и творчестве Достоевского, отмечая наличие аллюзий и скрытых цитат из Корана в текстах Достоевского. Наверное, статья бы только выиграла, если бы исследовательница не стремилась делать слишком далеко идущие выводы. Она пишет: «Делается вывод о том, что вслед за Пушкиным Достоевский, исходя из понимания корневой связи Библии и Корана как равноценных “вечных книг” человечества, пришел к их сопряжению в художественном плане». Не соглашаясь ни на одну минуту со словом «равноценных» (даже не говоря о простой констатации того, что верующий, уважая священные книги других религий, не может ***приравнять*** их к священной книге исповедуемой им религии, понятно, что рядом со Христом для Достоевского никто не стоял), хочу отметить, что Достоевский действительно обращался к истории Магомета — в том числе, в моментах, когда не ощущал возможности выразить свои духовные прозрения так, чтобы они наверняка не вызвали проблем с духовной цензурой, — то есть в некоторых ключевых моментах своих романов. Так именно через обращение к истории Магомета в «Идиоте» его герой истолковывает великие слова Апокалипсиса о том, что «времени больше не будет» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 189].

Статья рубрики «Достоевский: теория творчества» посвящена важнейшей, на мой взгляд проблеме, которую условно, вслед за автором Еленой Степанян, можно назвать «физиологией чтения», но которая имеет самое прямое отношение к вопросу о том, как искусство может предоставлять в распоряжение читателя/зрителя не знание, но опыт, то, что прожито и освоено эмоционально и чувственно, — при том что в жизни читателя ничего подобного не происходило. Автор показывает, как читатель «подсоединяется» к происходящему с героем, вовлекается в его действие и переживание, как сближаются пульс, дыхание, скорость тока крови сидящего читателя и мечущегося, вздрагивающего, вскидывающегося героя. Как в конце концов читатели в интернет-откликах говорят (хоть и другими словами): «Это было со мной».

В рубрике «Достоевский в XX–XXI веке» публикуется вторая, обширная и захватывающе интересная, статья Геннадия Карпенко[1],

[1] Первую статью см.: [Карпенко, 2024].

посвященная рассмотрению идей разделения людей по разным разрядам у героев Достоевского и Бунина в культурном контексте соответствующего времени и библейской истории. Важно, что автор выводит рассмотрение произведений Достоевского и Бунина из области «литературной полемики» или «литературного отклика», вообще из «истории литературы», а ставит во весь рост именно рассматриваемую ими антропологическую проблему, показывая, что писатель откликается на жизнь, на осмысление жизни современниками — и предками, участвует в решении жизненных, а не «литературных» вопросов — и что без постоянного «обратного включения» литературного произведения (в качестве «литературного памятника» вырезанного из жизни и упакованного в узкую область «истории литературы») в жизненный контекст эпохи мы ничего в нем не поймем.

В рубрике «Преподавание Достоевского» мы публикуем вторую статью («Наказание») диптиха Ольги Юрьевой[2], в котором она рассматривает название романа «Преступление и наказание» как ключ к его целостному анализу. Если преступление, согласно анализу автора статьи, было совершено за пределами романа, до его начала — поскольку преступление — это принятие идеи, создание теории (всякие действия — лишь последствия этого преступления), то и наказания в романе не происходит — оно отнесено за его пределы, на него лишь указывают в эпилоге как на имеющее состояться. Что же происходит с героем в самом романе, и выясняется в статье.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 9900 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

[2] Первую статью см.: [Юрьева, 2024].

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение месяца.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Карпенко, 2024 – *Карпенко Г.Ю.* «Так нас природа сотворила...»: преступление без наказания? (Ф.М. Достоевский и И.А. Бунин) // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 134–167. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-134-167

3. Корбелла, 2023 – *Корбелла К.* Концепт «книга» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 4 (24). С. 30–54. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-4-30-54

4. Юрьева, 2024 – *Юрьева О.Ю.* Название «Преступление и Наказание» как ключ к целостному анализу романа Ф.М. Достоевского в школе. Статья 1. Преступление // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 1 (25). С. 168–197. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-168-197